

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Научная статья посвящена исследованию теоретических и практических проблем особенностей политических процессов и их социокультурных особенностей в современной Центральной Азии.

Ключевые слова: *социокультурные стандарты, политическая самоидентификация, трибализм, культ личности, конфликт, демократия, авторитаризм, политическая элита, тоталитаризм.*

The scientific article is devoted to the research of the theoretical and practical problems of the introduction and effective use of the special features of the political processes and their social and cultural specialties in the modern Central Asia.

The key words: *social and cultural standards, political self-identification, tribalism, cult of person, conflictdemocracy, authoritarianism, political elite, totalitarism.*

Постсоветский СНГ, в том числе Россия и страны Центральной Азии, один из самых закрытых регионов бывшего СССР, после падения железного занавеса и двадцати лет независимости - регион самобытный и во многом противоречивый. Бурные политические процессы в России, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, поиски своего лица, потребность в выработке индивидуальных культурно-идентификационных моделей каждой страны, дебаты о национальной идее, поиске своего места в

глобальном меняющемся мире, которые происходят как в научных, так и в околонуточных кругах, определяют место новых политических актеров в мировом сообществе. Безусловно, указанные процессы стимулируют Россию к выработке новых подходов к формированию образа данной страны в этих государствах.

Опыт реформ показывает, что переходные общества своеобразно сочетают демократические и авторитарные черты. Поэтому очень важно выяснить, что способствует относительно устойчивому равновесию обществ переходного типа, каким образом можно определить природу и направление происходящих в них процессов. Ведь именно это, в конечном счете, является фактором, определяющим взаимодействие новых постсоветских государств, в частности России и центральноазиатских, с другими странами¹. Остановимся на социокультурных факторах как детерминанте процесса формирования образа России в регионе. Хотелось отметить мнение Ш. Эйзенштадта, одного из ведущих теоретиков социологии развития, который подчеркивает, что «комбинации символических и организационных характеристик оказывают значительное воздействие на формирование социальной среды, ее внутреннюю динамику, ее приспособляемость к различным историческим наслоениям, ее способность к развитию. Кроме того, эти факторы, находясь в различных обществах в различных соотношениях, воздействуют также на интенсивность конфликтов в конкретных обществах и формы потенциальной связи межгрупповых конфликтов с системными противоречиями, а также на возможные последствия изменений»².

Центральноазиатские государства - общества, длительное время существовавшие в пространстве советских социокультурных стандартов, основанных на аккультурации культур всех без исключения народов СССР.

¹ <http://www.politex.info/content/view/366/30/>; Журнал ПОЛИТЭКС

² Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. - М., 1999. - С. 90-91.

Сегодня исследовательский вектор сместился в сторону компенсаторных теорий, обращенных к исследованию культур *«государствообразующих»* этносов. Большой прогресс в процессе аккультурации был достигнут в Среднеазиатском регионе в силу *недифференцированной этнической и культурной идентичности местных обществ*, построенных еще на родоплеменных отношениях (со сходными явлениями столкнулись США при строительстве *«демократического государства»* в современном Афганистане. В результате когда-то общее историко-культурное пространство Ирана и Турана, собственно, и являющееся географической Центральной Азией, стало предметом дележа и причудливых изысканий). О советской культурной традиции и ее влиянии на развитие региона можно говорить много, существует немало интересных исследований этой проблемы. Мы исходим из признания значительной степени влияния прошедших 70 лет на модернизационные процессы в регионе, которое не может не сказаться на отношениях с Россией в двадцать первом веке.

Распад Советского Союза и объявление суверенитета вернули Среднюю Азию в исходную точку, обогатив общества элементами советской цивилизации, *моноагрокультурами* - хлопком и пшеницей, *монопромышленностью* — в основном добывающей, *монокультурой* - *«социалистическим реализмом»*³. С этим наследством страны региона вошли в XXI век в качестве равноправных участников мировых политических, экономических и культурных процессов.

Отвергнув идеологию коммунизма, провозгласив себя ориентированными на рынок, светскими, демократическими и полиэтническими, они принялись за создание и укрепление основ государственности. Но принципы советской культурной политики, подход к культуре как к инструменту обслуживания власти сохранились и в новых условиях, поэтому формирование позитивного образа страны в первую

³ См.: *Ибраева В.* В ожидании Годо: среднеазиатская версия поиска идентичности // Навигатор. 2005. Март.

очередь должно учитывать данную культурную политику. Обретя суверенитет, новые государства столкнулись с необходимостью политико-культурной самоидентификации. Средства ее достижения различны для каждой из стран региона, но, безусловно, можно выделить ряд общих черт. Например, В. Ибраева в своих работах говорит о так называемой «монументальной пропаганде». Цель этой пропаганды - утверждение глубокой историчности новых государственных образований. Механизм прост: из анналов истории выискиваются наиболее подходящие для этого факты и персоналии, производится ревизия археологических и исторических изысканий, пересматриваются мифология и фольклор. В процессе выработки культурно-идентификационной модели понятия «суверенное» и «национальное» получают трактовку, основанную на приоритете «государствообразующих» этносов, каждый из которых и выискивает своего «отца нации», вставляемого в идеологическую дыру, образованную развенчанием культа В. И. Ленина⁴. В Казахстане символом нации стал борец с российским колониализмом Абылайхан, в Узбекистане - средневековый завоеватель эмир Тимур (Тамерлан), в Туркменистане - ныне покойный герой современности Туркменбаши, в Таджикистане - Исмаил Самани, основатель династии Саманидов. Эти технологии используются по ряду причин, как объективных, так и субъективных; основная из них - обоснование идеи преемственности власти.

Конечно, можно говорить о новых культах личности, о появлении авторитарных режимов, но пока современные процессы обозначаются как «возрождение национальной духовности» и «возвращение к традиции»; именно эти факты практически у всех стран региона являются детерминантами национальной идентичности. Процессы поиска идентичности и корней, лозунги возвращения к традиции и возрождению национальной духовности, пафос утверждения древнейших основ

⁴ См.: Ибраева В. В ожидании Годо: среднеазиатская версия поиска идентичности // Навигатор. 2005. Март.

государственности и незыблемости суверенитетов в Среднеазиатском регионе, исторические исследования, апелляции к историческим и современным эстетическим системам, привлечение архаических и новых технологий - все подобные усилия направлены на персональные самоидентификации лидеров.

Еще один важнейший социокультурный фактор - язык. Изменения в области этнической идентичности и языковой практики в Средней Азии - предмет подробного социолингвистического исследования, отраженного в книге Джейкоба М. Ландау и Барбары Келлнер-Хайнкеле *«Языковая политика в постсоветских государствах»*⁵, в котором авторы приводят примеры разного рода изменений в языковой практике региона. Один из центральных тезисов книги заключается в том, что советская политика русификации оказала не такое глубокое влияние на формирование национального сознания населения, как это считалось ранее. Доказательством может служить переход ряда государств региона на латинскую письменность. Поддержка национального языка политически выгодна для целей идентификации. Об этом пишет и С. Хантингтон: «На языковом фронте дух Вавилонской башни торжествует над духом универсализма и еще раз подтверждает подъем стремлений к цивилизационной идентичности»⁶.

Обсуждая проблемы лидерства, рекрутирования элит, политический процесс в целом в современных центральноазиатских государствах, нельзя не упомянуть о явлении трайбализма, который в постсоветский период становится центральным элементом внутренней политики⁷. Политологи выделяют разнообразные причины его актуализации, в частности, причину видят в результате *«регенерации»* феодально-патриархальных, а в Казахстане

⁵ Landau J., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim states: Hurst and Company, 2001. – P. 183–184.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 190-191.

⁷ Кадыров Ш. Институт президенства в клановом постколониальном обществе // Люди и мифы. Сборник статей из журнала «Вестник Евразии» / Сост. С. А. Панарин. - М.: «Наталис», 2003. - С. 337–364.

и Киргизии - родоплеменных, номадных отношений (особенно в сельских местностях). Эти отношения фактически легализованы во всех без исключения государствах Центральной Азии⁸. Среди основных характеристик трайбализма можно выделить детерминирование родоплеменных отношений в политическом процессе, например, механизм рекрутирования элит по клановому признаку и, как следствие, дифференциацию по родоплеменному признаку.

Именно эти связи, конфликты внутри клана или между кланами непосредственно затрагивают определенный слой людей, располагающих доступом к власти, материальным ценностям, собственности. Остальная масса населения вовлекается в клановые отношения вольно или невольно, по мере необходимости. Принадлежность к клану позволяет рассчитывать на продвижение по службе, получение каких-либо благ, улучшение материального положения, решение собственных проблем. Ядро клана в городе составляет группа родственников по крови и браку, личных друзей лидера, независимо от их родоплеменной принадлежности, а временами и даже национальности, объединенных продолжительной совместной деятельностью в определенном регионе. Российская дипломатия должна осознать, что элита Центральной Азии по своей сущности - традиционная восточная элита, сформированная по принципу родоплеменных отношений. В этой среде всегда действовали вертикальные отношения «патронажа», существование и процветание подобных элит напрямую зависело от того, насколько близки они к ключевым позициям в системе распределения. Несмотря на двадцатилетний опыт преобразований, во всех центральноазиатских странах экономика во многом продолжает иметь распределительный характер. Мало изменился и характер клановых отношений.

⁸ См., например: *Акишев А. П.* Центральная Азия: новое средневековье? // Тамыр. - Алматы. - 2000. - № 1 (2). - С. 13-23.

Центральноазиатские общества состоят из племен вторичного типа, субэтнотипов. Это своеобразные этнические субстраты, использующие в политических целях идеологию племенной солидарности. Тенденции политогенеза в таких обществах (сообществах) изначально базируются на организации управления по принципу «племенных ханств и аморфных конфедераций»⁹. Племена столетиями живут компактно, в ареалах сравнительно изолированных друг от друга. В обществах такого типа общеэтническая самоидентификация сочетается с племенным самосознанием. Например, в числе «чистых» таджиков фигурируют «памирцы», каратегинцы, дарвазцы - потомки древних обитателей этих мест. «Нечистыми» якобы являются кулябцы и ленинабадцы, которые смешались с тюркскими племенами¹⁰. Подобное деление современных «наций» можно проследить в Казахстане (северные, южные, западные), в Кыргызстане (северные и южные), в Узбекистане, где самаркандский клан ведет борьбу то с джизакским, то с бухарским и ферганскими клановыми группировками¹¹.

Всюду положение усугубляется сохранением деления территориальных общностей на субэтнические группы при одновременном превращении территориальных групп в этнизированные общности, каждая из которых считает себя этнически более «чистой», чем другие. Так, для ташкентских узбеков «ферганские вообще считай, что и не узбеки»¹². Этническим обществам свойственна архаическая форма культуры политических отношений - племенной гегемонизм, сепаратизм и всевозможные разновидности этнических патронажно-клиентальных связей (семейно-родственных, клановых, родовых племенных, земляческих). Именно этот фактор дестабилизирует этническое общество, затрудняет

⁹ См.: *Кадыров Ш.* Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра. Специальный доклад на конференции «The Turkmenistan: not on Orange revolution but Regional?». - Осло, 2005. 6 июня.

¹⁰ *Чвырь Л. А.* О структуре таджикского этноса (Научная и народная точка зрения) // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы.* - Ежегодник. 2001. - Вып. 27. - М.: Наука, 2001. - С. 10.

¹¹ *Глумсков Д.* Узбекский рецидив ... или узбекская свобода // *Эксперт-Казахстан.* - 2005. - № 10 (36). 23 мая.

¹² См.: *Смирнов В.* Религия + деньги: кто поднял восстание в Андижане? (Интервью с Вячеславом Смирновым, директором НИИ политической социологии) // *Русский журнал.* - 2005. 25 мая.

взаимодействие с ним, а тем более применение к ним каких-либо технологий формирования имиджа. Еще одним следствием указанной ситуации является то, что этнические общества длительное время имеют слабые внутренние ресурсы для формирования своей государственности. Эта государственность, если и возникает, то базируется на деспотии, а после падения диктатора сталкивается с большими трудностями в формировании демократического строя¹³. Что касается официальной интерпретации трудностей переходного периода правительствами независимых государств Центральной Азии, постсоветский трайбализм объясняется как следствие политики Москвы советского периода.

Рассматривая проблемы формирования элит в Центральноазиатском регионе, историк Ш. Кадыров говорит о «евронационалах». Слой еврационалов - «сформированный в результате частичной модернизации продукт именно национально-этнического развития, прямо принадлежащий новым нациям советской Центральной Азии и положивший основу их национального развития». Определяющим признаком еврационала считается приверженность идее консолидации этносов в нацию через строительство унитарно-централизованного государства, при котором инструменты централизованного государства используются для необъявленной стратификации общества по клановому (этническому) признаку.

Именно этот эволюционный контекст позволяет говорить о еврационалах как историческом феномене, вокруг которого разворачивается интрига политического развития Центральной Азии¹⁴. В советский период степень политического контроля Москвы в республиках Центральной Азии зависела от уровня европеизации националов. До сих пор

¹³ См.: *Кадыров Ш.* Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра. Специальный доклад на конференции «The Turkmenistan: not on Orange revolution but Regional?». - Осло, 2005. 6 июня.

¹⁴ См.: *Кадыров Ш.* Советские и постсоветские политтехнологии в Центральной Азии // *Вестник Евразии.* - 2006. - № 4. Январь.

сравнительно модернизированным остается столичный регион любой центральноазиатской республики, а значит и вовлеченное в его жизнь, в силу территориальной близости к столице, столичное землячество. Таким образом, столица становилась местом скопления и постоянного жительства политически активного класса.

В рамках изложенной концепции представители именно этого слоя и являются «модернизаторами»¹⁵. Исходя из вышесказанного можно сделать следующий вывод: чем больше евронационалов во властной элите, тем больше вероятность, что любого рода изменения в той или иной стране региона будут происходить при решающем и определяющем влиянии внешних сил, под которыми в данном случае следует понимать не только крупные государства (Россия, Китай и США), но и активистов из центральноазиатской диаспоры в Европе, США и России. Поэтому можно говорить о так называемой «синполитейности»¹⁶. Речь идет о прямом или косвенном политическом управлении и о влиянии «развитых» государственных систем на любые слабо консолидированные, традиционные общества.

Встает вопрос об оптимальном политическом устройстве государств региона. Ведущие российские политологи признают сегодня целесообразность федерализации стран Центральной Азии по типу Швейцарской конфедерации или Арабских Эмиратов¹⁷. Связь между советским и постсоветским периодами состоит в усугублении этнического регионализма в результате эмиграции русскоязычного населения. Эти современные реалии являются следствием пассивной политики России по отношению к государствам региона вплоть до конца девяностых годов двадцатого века.

¹⁵ См.: *Кадыров Ш.* Советские и постсоветские политтехнологии в Центральной Азии // *Вестник Евразии.* - 2006. - № 4. Январь.

¹⁶ *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. - М.: Ладомир, 2001. - С. 20-212.

¹⁷ *Наумкин В.* Я верю в кыргызское чудо... (Интервью Азамату Тынаеву) // *Вечерний Бишкек.* - 2005. - № 96. 25 мая.

Так или иначе, с подачи некоторых политологов в конце 1980-х–начале 1990-х годов было создано убеждение в «ненужности» республик Центральной Азии для России и российского населения. Добровольный отказ России от зоны ее естественного влияния дал повод различным региональным и глобальным силам включить регион Центральной Азии в свои перспективные планы, попытаться усилить там собственное влияние¹⁸.

Хотя в 1991-1995 годах авторитет России во всех мусульманских районах бывшего СССР резко уменьшился, ей удалось сохранить значительное влияние в центральноазиатском направлении. Этому способствовал ряд объективных факторов, прежде всего проживание в этих государствах большого количества русскоязычного населения, хотя за последние годы произошел его значительный отток в Россию и другие государства СНГ. Таким образом, для России наиболее реальным остается укрепление экономических, военных, политических связей с центральноазиатскими государствами. Поэтому интеграционные процессы представляются наиболее приемлемым вариантом политического и экономического развития, как для России, так и для стран Центральной Азии. Но проблема формирования позитивного образа страны остается исключительно актуальной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишев А. П. Центральная Азия: новое средневековье? // Тамыр. - Алматы. - 2000. - № 1 (2). - С. 13–23.
2. Глумсков Д. Узбекский рецидив ... или узбекская свобода // Эксперт-Казахстан. - 2005. - № 10 (36). 23 мая.
3. Ибраева В. В ожидании Годо: среднеазиатская версия поиска идентичности // Навигатор. 2005. Март.
4. Иманалиев М. Перспектива Центральной Азии стать мостом между

¹⁸ Мукимджанова Р. М. Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики. - М.: Научная книга, 2005. – С. 19.

Азией и Европой // posit.su/site.php?lan=ru&id=105&pub=6782.

5. Кадыров Ш. Институт президенства в клановом постколониальном обществе // Люди и мифы. Сборник статей из журнала «Вестник Евразии» / Сост. С. А. Панарин. - М.: «Наталис», 2003. - С. 337–364.

6. Кадыров Ш. Советские и постсоветские политтехнологии в Центральной Азии // Вестник Евразии. - 2006. - № 4. Январь.

7. Кадыров Ш. Советские и постсоветские политтехнологии в Центральной Азии // Вестник Евразии. - 2006. - № 4. Январь.

8. Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра. Специальный доклад на конференции «The Turkmenistan: not on Orange revolution but Regional?». - Осло, 2005. 6 июня.

9. Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра. Специальный доклад на конференции «The Turkmenistan: not on Orange revolution but Regional?». - Осло, 2005. 6 июня.

10. Крадин Н. Н. Политическая антропология. - М.: Ладомир, 2001. – С. 20-212.

11. Мукимджанова Р. М. Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики. - М.: Научная книга, 2005. – С. 19.

12. Наумкин В. Я верю в кыргызское чудо... (Интервью Азамату Тынаеву) // Вечерний Бишкек. - 2005. - № 96. 25 мая.

13. Смирнов В. Религия + деньги: кто поднял восстание в Андижане? (Интервью с Вячеславом Смирновым, директором НИИ политической социологии) // Русский журнал. - 2005. 25 мая.

14. Улунян А. «Большая Центральная Азия»: геополитический проект или внешнеполитический инструмент? // Фергана.Ру

15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 190-191.

16. Чвырь Л. А. О структуре таджикского этноса (Научная и народная точка зрения) // Расы и народы. Современные этнические и расовые

проблемы. - Ежегодник. 2001. - Вып. 27. – М.: Наука, 2001. – С. 10.

17. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. - М., 1999. - С. 90–91.

18. <http://www.politex.info/content/view/366/30/>; Журнал ПОЛИТЭКС

19. Landau J., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim states: Hurst and Company, 2001. – P. 183–184.